

Е. А. Литвин

ORCID: 0000-0002-4647-4346

✉ evgenya.litvin@gmail.com

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

«МАРИЯ ДЖУЗЕППА» ТОММАЗО ЛАНДОЛЬФИ — ПАРАФРАЗ «ЗАПИСОК ИЗ ПОДПОЛЬЯ»

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» и рассказа Томмазо Ландольфи «Мария Джузеппа», демонстрирующий один из основных принципов поэтики Ландольфи — создание интертекстуальных связей с литературными предшественниками и между собственными произведениями. Ландольфи, знаток и переводчик русской литературы на итальянский язык, в собственных произведениях нередко перефразировал и обыгрывал отдельные ее тексты — как правило, те, что оказали на его творчество значительное влияние. К числу таких текстов можно отнести «Записки из подполья» (которые он перевел на итальянский язык), содержащие несколько мотивов, устойчивых для текстов итальянского автора, — мотивы писательской рефлексии, одиночества, психической неуравновешенности, отличных от нормы сексуальных отношений. В статье рассматриваются образы главных персонажей рассказа: главный герой имеет многие черты Подпольного человека, а Мария Джузеппа сочетает черты характера трех персонажей Достоевского: слуги Аполлона, служанки и проститутки Лизы. Основным приемом Ландольфи при создании парафраза «Записок» оказывается ироническая гиперболизация.

Ключевые слова: Томмазо Ландольфи, Ф. М. Достоевский, «Записки из подполья», Подпольный человек, литературная рецепция, интертекстуальность, перевод, итальянская литература

Для цитирования: Литвин Е. А. «Мария Джузеппа» Томмазо Ландольфи — парафраз «Записок из подполья» // Шаги/Steps. Т. 6. № 3. 2020. С. 244–257. DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-3-244-257.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-012-90034 «Достоевский и Италия».

Статья поступила в редакцию 5 сентября 2019 г.

Принято к печати 25 сентября 2019 г.

E. A. Litvin

ORCID: 0000-0002-4647-4346

✉ evgenya.litvin@gmail.com

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
(Russia, Moscow)*

“MARIA GIUSEPPA” BY TOMMASO LANDOLFI — A PARAPHRASE OF *NOTES FROM UNDERGROUND*

Abstract. The article presents a comparative analysis of a novel by F. M. Dostoevsky, *Notes from Underground*, and Tommaso Landolfi’s short story “Maria Giuseppa”: the results demonstrate one of the main principles of Landolfi’s poetics — the creation of intertextual connections with literary predecessors and between his own works. Landolfi, an expert and translator of Russian literature into Italian, often paraphrased and played with some of its texts in his own literary works. Usually, works of writers who had a significant influence on Landolfi underwent such a recasting. Among them was Dostoevsky. Landolfi translated *Notes from Underground* into Italian. It can be assumed that this novel had a significant impact on the Italian author, since it contains several motives that are usual for his texts — the writer’s reflection, loneliness, mental imbalance, abnormal sexual relations. The article discusses the images of the two main characters of Landolfi’s short story: the protagonist contains many features of the “underground man”, and Maria Giuseppa combines the traits of three characters in *Notes from Underground*: the old servant, the servant Apollo, and the prostitute Lisa. Landolfi’s main technique in creating a paraphrase of *Notes* is ironic hyperbolization.

Keywords: Tommaso Landolfi, F. M. Dostoevsky, *Notes from Underground*, the underground man, literary reception, intertextuality, translation, Italian literature

To cite this article: Litvin, E. A. (2020). “Maria Giuseppa” by Tommaso Landolfi — a paraphrase of *Notes from Underground*. *Shagi / Steps*, 6(3), 244–257. DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-3-244-257.

Acknowledgements. This study was funded by RFBR, project number 18-012-90034, “Dostoevsky and Italy”.

Received September 5, 2019

Accepted September 25, 2019

В статье анализируются текстологические связи повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» и рассказа Томмазо Ландольфи «Мария Джузеппа». Идея этого сопоставления кажется нам важной по двум причинам. Во-первых, она служит лучшему пониманию поэтики Томмазо Ландольфи — одного из самых сложных для восприятия итальянских писателей XX в., чье творчество еще изучено в недостаточной мере и почти неизвестно в России [Сабурова 2018: 1–2].

Будучи не только писателем, но и переводчиком русской литературы, Ландольфи часто использовал в своих произведениях приемы литературной игры и аллюзии на произведения русских писателей. Несмотря на то что несколько исследователей творчества Томмазо Ландольфи указывали на связь данного рассказа с повестью Достоевского [Регг 1988: 43, Гуарниери-Ортолани 1981], подробного анализа до сих пор не было проведено. Как кажется, такой сопоставительный текстологический анализ помог бы выявить особенности поэтики итальянского писателя, связанные с интертекстуальностью его текстов.

Во-вторых, рассматриваемый материал вносит вклад в изучение того, как осуществлялась рецепция текстов Ф. М. Достоевского в европейской (в данном случае — итальянской) литературе XX в. В существующих научных работах рассматривается по большей части влияние психологизма Достоевского, жанровых особенностей или религиозно-философских аспектов его произведений, а хронологические рамки по большей части ограничиваются традицией реалистического направления рубежа XIX–XX вв. [De Michelis 1972; Самарина 2017; Володина 1978; Капилупи 2019]. Что же касается сюрреалистической и постмодернистской литературы XX в., к которой с определенными оговорками можно отнести произведения Ландольфи, то она изучена еще в недостаточной мере.

Томмазо Ландольфи — переводчик и писатель

Томмазо Ландольфи (1908–1979) — значимый для итальянской литературы XX в. писатель, имя которого до сих пор не слишком хорошо известно русскому читателю. На русский язык переведены некоторые его прозаические произведения — два сборника рассказов, ранний роман «Осенняя история» [Ландольфи 1987; 1999; 2005] и роман-дневник «Пиво рыбака, или Гроб грешника» [Ландольфи 2013]. Список его произведений включает также поэзию, драматические произведения, другие автобиографические романы-дневники [Киселев 2003]. Ландольфи является автором ряда критических статей, посвященных преимущественно русской литературе¹. Кроме этого, он много занимался переводами.

Деятельность Ландольфи-переводчика была такой же многогранной, как и Ландольфи-писателя. Она охватывала работу с тремя языками (русским, французским и немецким) и с текстами разных жанров. Однако основным

¹ Часть статей, которые Ландольфи публиковал в журнале «Mondo», была собрана им в книгу «Gogol a Roma» [Landolfi 2002]. Другие вышли уже после его смерти в сборнике «I Russi» [Landolfi 2015].

рабочим языком для Ландольфи всегда был русский², который он выучил самостоятельно в студенческие годы, поскольку во Флорентийском университете на рубеже 1920–1930-х годов еще не существовало кафедры славистики [Mesárová 2018: 162–163].

Переводческую деятельность Ландольфи хронологически принято делить на два периода: 1930–1940-е и 1950–1960-е годы. В зрелые годы Ландольфи рассматривал переводы в первую очередь как способ заработка и обеспечения семьи. За почти десять лет контракта с издательством «Einaudi» он перевел целый ряд произведений русской литературы, однако выбор их чаще всего был продиктован издательством [Pera 1988: 35]. Тексты же, переведенные в ранний период, куда в большей мере отражали его собственные литературные вкусы [Galmarini 2015; Mesárová 2018: 162–164].

Последнее особенно важно, если принять во внимание, что две его основные профессиональные ипостаси — переводчика и писателя — были тесно взаимосвязаны [Mesárová 2018: 162–164]. Он не только познакомил итальянских читателей с русской классикой и с современными ему авторами, но и многократно обращался к русской литературе в собственном творчестве, включая в свои тексты аллюзии на отдельные структурные элементы, сюжетные ходы, тех или иных персонажей, и т. д.

Ландольфи — писатель для узкого круга читателей: исследователи неоднократно отмечали изысканную сложность его языка и интертекстуальность его произведений. К последней относятся и обыгрывание отдельных элементов сюжета, и включение в тексты цитат из чужих сочинений, а также такие топосы, как изучение экзотических языков или писательство. В ряду источников литературных аллюзий в его текстах важное место занимают произведения русских писателей.

Так, велико влияние на Ландольфи Н. В. Гоголя, чьи «Петербургские повести» были первым опубликованным переводом итальянского писателя (1941). Гоголевские гротеск и мистицизм, тонкое балансирование на грани реального и фантастического можно найти практически в любом произведении Ландольфи [Pala 2009]. В одном из его рассказов («Жена Гоголя» — в пер. А. Велесик [Ландольфи 1999: 341–353]) Николай Васильевич появляется и в качестве персонажа. В гротескно-сюрреалистической манере Ландольфи описывает напряженные супружеские отношения русского писателя с... резиновой куклой, которую в конце рассказа Гоголь, пребывая в не вполне стабильном состоянии рассудка, бросает в камин (подробнее о этом см.: [Pera 1988: 41–42; Кобленкова 2007]). Таким образом, ироничный, а иногда и откровенно издевательский тон повествования Ландольфи накладывается на глубокое знание русской литературы, проводником которой он был для итальянского читателя, — как в классической форме перевода, так и в более опосредованной, через собственные литературные произведения.

---

² Ландольфи перевел с русского языка «Петербургские повести» Гоголя (1941), «Станционного смотрителя», «Гробовщика» и «Пиковую даму» Пушкина, «Бежин луг», «Живые мощи» и «Муму» Тургенева, «Записки из подполья» Достоевского, «Три смерти» и «Смерть Ивана Ильича» Толстого, «Каштанку» и «Чтение» Чехова, «Грамматику любви» Бунина для составленного им сборника «Narratori russi» [Landolfi 1948]. В 1960-е годы в издательстве «Einaudi» выходят сборники стихотворных переводов Пушкина (1960; 1963), Лермонтова (1963), Тютчева (1964), а также «Очарованный странник» Лескова (1967) [Pera 1988: 35].

Среди других писателей, оказавших наибольшее влияние на Ландольфи, исследователи упоминают Ф. М. Достоевского. Подмечается сходство их биографий: для Ландольфи литературный труд был основным средством содержания семьи, и он неоднократно жалуется на нехватку денег и на то, как сложно ему бывает закончить произведение [Pera 1988: 43].

Ярким примером текста Ландольфи, в котором влияние Достоевского прослеживается на тематическом, стилистическом и структурном уровнях, является рассказ «Две старые девы», где герои устраивают суд, напоминающий сцены из «Братьев Карамазовых», для того чтобы определить, есть ли душа у обезьяны Томмазо и, следовательно, можно ли ее судить за богохульство [Mesárová 2018: 165–168; Гуарниери-Ортолани 1981: 165–166].

Размышления о добре и зле, о морали и различных проявлениях человеческой психики — это лишь один из примеров того, что интересует Ландольфи в произведениях Достоевского. При этом отметим, что эти рассуждения появляются здесь в ироничном, даже пародийном контексте, поскольку причиной для суда послужил поступок вороватой обезьянки. Другим текстом Ландольфи, демонстрирующим заметное влияние Достоевского, является его ранний рассказ «Мария Джузеппа». Он и будет подробнее проанализирован ниже.

«Записки из подполья» и поэтика Ландольфи

Рассказ Ландольфи «Мария Джузеппа» был опубликован в журнале «Vigilie letterarie» в 1930 г. [Rich 2010: 89], а затем вошел в состав первого сборника рассказов «Диалог о главнейших системах» [Landolfi 1937]. Он содержит множество аллюзий на повесть Достоевского «Записки из подполья», напоминая ее структурой рассказа, манерой повествования и системой взаимоотношений между персонажами.

В этом рассказе описаны отношения молодого аристократа по имени Джакомо и служанки Марии Джузеппы, живущей в его загородном доме, куда он периодически приезжает в летнее время. Поведение и привычки этой простой трудолюбивой крестьянки постоянно раздражают хозяина дома, который от безделья и скуки пытается занять себя игрой с мячом или мучает домашних животных. Кульминационным моментом рассказа становится изнасилование Марии Джузеппы, после которого, по словам самого рассказчика, она умирает, — однако подробности ее смерти нам неизвестны, как неизвестно и то, насколько в действительности связаны эти два события.

Джакомо напоминает Подпольного человека возрастом (в момент описываемых им событий ему 22 года, герою повести Достоевского — 24) и образом жизни (безделье, одиночество, отсутствие друзей и семьи, жизненных целей и перспектив). Оба героя не работают и живут на деньги, доставшиеся им по наследству. В этом «подполье» их единственными собеседниками становятся слуги, проживающие в этом же доме, а постоянным состоянием — скука³:

³ Здесь и далее ссылки на рассказы Ландольфи приводятся по их русскому переводу [Ландольфи 1999], ссылки на итальянский текст — по изданию [Landolfi 1961], ссылки на текст «Записок» — по изданию [Достоевский 1973: 99–341].

Записки из подполья

А спросите, для чего я так сам себя коверкал и мучил? Ответ: затем, что *скучно уж очень было сложа руки сидеть*; вот и пускался на выверты (107–108).

Мария Джузеппа

Иначе говоря, я просто не знал, чем мне заняться. *От скуки, должно быть* (137).

Maria Giuseppa

In generale, poi, mi pareva che non sapessi mai che cosa fare. Forse era quella specie di noia che mi faceva fare quelle cose (10).

Что касается слуг, то Мария Джузеппа объединяет черты трех различных персонажей, появляющихся в «Записках». Это служанка Подпольного человека, его слуга Аполлон и проститутка Лиза.

О служанке в тексте Достоевского можно найти лишь одно краткое упоминание, где говорится о ее «старости» и «глупости», а также о деревенском происхождении. Все эти три черты присутствуют и в описании Марии Джузеппы (которая хоть и не старуха, однако, по-видимому, значительно старше своего хозяина):

Записки из подполья

Комната моя дрянная, скверная, на краю города. Служанка моя — *деревенская баба, старая, злая от глупости*, и от нее к тому же всегда скверно пахнет (101).

Мария Джузеппа

Хоть я и *взял ее из деревни*, но в первый же день оказалось, что она даже не умеет толком разбить яйцо (133).

Maria Giuseppa

Ma del resto l'avevo presa dalla campagna e, il primo giorno, non sapeva neppure spezzare un uovo (5).

Я знал, что ее *все считают душой* и обманывают почему зря (139).

Io mi accorgevo che la consideravano tutti una scema, che la imbrogliavano sul prezzo e glielo dicevo (12–13).

С Аполлоном Марию Джузеппу объединяют упрямство, религиозность и нежелание покидать дом, несмотря на многолетний вялотекущий конфликт с его хозяином:

Записки из подполья

Но тогда я не мог прогнать его, точно он был слит с существованием моим химически. К тому же *он бы и сам не согласился от меня уйти ни за что*. Мне нельзя было жить в шамбр-гарни: моя квартира была мой особняк, моя скорлупа, мой футляр, в который я прятался от всего человечества, а Аполлон, черт знает почему, *казался мне принадлежащим к этой квартире, и я целых семь лет не мог согнать его* (168).

Мария Джузеппа

Мария Джузеппа *говорила, что привязана к дому* (и впрямь, работала она на совесть, а в ее честности мне ни разу не пришлось усомниться), но это все болтовня, ясное дело. Как можно привязаться к чужому дому? Я к своему-то никогда не мог привязаться (134).

Maria Giuseppa

Veramente essa diceva che era affezionata alla casa (e infatti cercava di far tutto per bene e non mi rubava mai un soldo), ma son belle chiacchere, si sa. Io non neppure come si possa affezionare alla nostra... (6).

Как хотите, господа, а я не могу понять, почему *женщина, над которой я изо дня в день издеваюсь, продолжает жить в моем доме* (140).

Perché, Signori, io non me la spiego una donna che viva con me e che si faccia maltrattare sempre senza andarsene mai (14).

Из последней цитаты также видно, что Мария Джузеппа выступает объектом унижений и издевательств со стороны Джакомо. Похожим образом Подпольный человек обходится с Лизой (с той разницей, что у Ландольфи речь идет о реальных побоях, а у Достоевского — о воображаемых):

Записки из подполья

...во мне подымалась такая злоба, что, кажется, я бы так и раздавил эту «проклятую» Лизу, *если б она возле меня вдруг случилась, оскорбил бы ее, оплевал бы, выгнал бы, ударил бы!* (166)

Мария Джузеппа

...я вечно искал способ задеть Марию Джузеппу, *сделать ей больно, довести до слез.* <...> *То я изо всех сил хлестал ее веткой по бокам, то срывал у нее с головы платок и подбрасывал его в воздух* (137).

Maria Giuseppa

...cercavo tanti modi di punzecchiarla, di batterla, di farla piangere. <...> Qualche volta con una frasca la battevo forte sui fianchi, qualche volta le strappavo dalla testa il fazzoletto e lo gettavo per aria (9–10).

Кроме того, Марию Джузеппу и Лизу объединяет то, что они становятся объектами сексуального влечения главных героев, смешанного с отвращением и причиняющего им душевные терзания:

Записки из подполья

Глаза мои блеснули страстью, и я крепко стиснул ее руки. *Как я ненавижу ее и как меня влекло к ней в эту минуту! Одно чувство усиливало другое* (175).

Мария Джузеппа

Что и говорить, Мария Джузеппа *невероятно мне досаждала, и в то же время... как бы это получше выразиться... в общем, меня так и тянуло к ней на кухню, сам не знаю почему* (136).

Maria Giuseppa

Maria Giuseppa, è vero, mi irritava per tante cose, però, come dire, io mi sentivo attirato verso di lei, dentro la cucina, senza saper come (8).

Итальянские исследователи творчества Ландольфи обращают внимание на то, что Джакомо и его служанка словно бы говорят на двух разных языках, не понимая друг друга, и именно это в конце концов приводит к кризису [Sanna 2016: 12; Stasi 2008: 3]. В работе Федерики Пич, посвященной особенностям языка повествования Ландольфи, говорится еще и о том, что взаимодействие Джакомо и Марии Джузеппы в день изнасилования и в остальные дни противопоставлено друг другу на лексико-грамматическом уровне. На протяжении всего текста рутинность и повторяемость одних и тех же событий подчеркивается использованием глаголов в имперфекте и наречий вроде «обычно», «всегда». День, в который совершается изнасилование, — необычный, поскольку праздничный. Мария Джузеппа одета в нарядное платье, она выглядит не так, как всегда. Все действия этого дня (например, проходящая процессия, возложение цветов к статуе) носят единичный характер и поэтому описываются глаголами в прошедшем времени совершенного вида (il passato remoto) [Pich 2010: 91–95].

Применяя эту оппозицию (регулярных рутинных действий vs. единовременного происшествия) к персонажам Достоевского — источникам образа Марии Джузеппы, можно сказать, что конфликт между главным героем и Аполлоном обыгрывается Ландольфи в «будничной» части рассказа, а конфликт между ним и Лизой — в части «праздничной».

Кроме сходства в характерах персонажей, с повестью Достоевского рассказ роднит также ретроспективная форма повествования: это «записки»-воспоминания, которые ведутся от первого лица, сбивчивым тоном⁴, и с обращениями к воображаемым читателям («господа»).

Таким образом, рассказ содержит множество заимствований из «Записок». Можно заметить сходство манеры повествования, характеров персонажей и отдельных элементов сюжета. Рассказ Ландольфи значительно короче повести Достоевского и частично воспроизводит его фабулу, но в сжатом виде. Так, описание отношений Джакомо с друзьями сводится к единственной фразе о том, что в городе он порой «встречался со всякими отвратными типами, которые его «наверняка презирали и не упускали случая оскорбить», но тем не менее садились с ним за карточный стол (133). А вместо двух встреч с Лизой здесь мы имеем одну короткую сцену изнасилования Марии Джузеппы.

Парафраз «Записок», содержащийся в этом рассказе, как кажется, проливает свет на то, в чем именно заключалось влияние Достоевского на творчество Ландольфи в целом. Почти все то, что было перечислено как примеры сходства с «Записками», в разных сочетаниях встречается и в других текстах Ландольфи. К устойчивым мотивам в его творчестве можно отнести тип главного персонажа (писатель), его состояние (безумие, неуравновешенность характера), место, где происходят события (заброшенный или стоящий где-то на отшибе дом), характер взаимодействия между героями (многие из текстов Ландольфи изображают аномальные отношения протагониста с женщинами) [Cecchini 2012: 71].

Сложно сказать, насколько велико было влияние прочитанного в юности текста Достоевского на все то, что написал впоследствии Ландольфи. Возможно, скорее стоит говорить не о влиянии, а о близости «Записок из подполья» творческим принципам итальянского писателя. Об интересе Ландольфи к этому тексту Достоевского свидетельствует и тот факт, что «Записки из подполья» стали единственным произведением русского классика, переведенным им на итальянский язык.

Этот перевод был впервые опубликован в книге «Русские писатели: сборник романов и рассказов от самых истоков и до наших дней» [Landolfi 1948]. Он пользовался большим успехом у итальянской публики и выдержал рекордное количество переизданий по сравнению с любым другим текстом Ф. М. Достоевского, выходящим когда-либо на итальянском языке (см.: [Dostoevskij 1962; 1964a; 1964b; 1971; 1975; 1984; 1990; 1992; 1995; 1997; 2007]). Итальянская исследовательница творчества Ландольфи Пиа Пера замечает, что «Записки из подполья» настолько близки поэтике текстов самого Ландольфи, что почти кажутся написанными им самим [Pera 1988: 43].

Кроме того, показательно не только то, какие детали Ландольфи заимствует из повести Достоевского или других литературных произведений, использующихся им для создания интертекстуальных связей, но и то, как именно он обыгрывает их в своих текстах. Наличие в данном случае очевидного первоисточника может помочь лучше понять принципы работы итальянского писателя. К ним относятся гиперболизация, интертекстуальность и мистификация автобиографии.

---

⁴ О комментариях в тексте Ландольфи вроде «я потерял нить» подробнее см.: [Pich 2010: 91–92].

Повествовательная манера Ландольфи: «между автобиографией и вымыслом»

Название этой части статьи отсылает к сборнику избранных рассказов Ландольфи («Le più belle pagine di Tommaso Landolfi»), опубликованному вскоре после его смерти [Landolfi 2001]. Итало Кальвино, составитель сборника, разместил тексты в нем в семь разделов: «Фантастические рассказы», «Рассказы о маниях», «Рассказы о страшном», «Между автобиографией и вымыслом», «Любовь и ничто», «Маленькие трактаты», «Слова и писательство». Названия этих разделов дают представление о наиболее частых темах в творчестве Ландольфи, хотя один и тот же рассказ может содержать одновременно несколько тем, перечисленных в заголовках. «Мария Джузеппа» отнесен в сборнике к разделу «Рассказы о маниях», а написанный Ландольфи спустя почти 25 лет рассказ-объяснение «Правдивая история Марии Джузеппы» — к разделу «Между автобиографией и вымыслом».

Один из частых приемов, встречающихся в прозе Ландольфи — ироническая гиперболизация. Игры Джакомо, за которыми он убивает время, более абсурдны и нелепы по сравнению с бездельем Подпольного человека, так же как нелепы и описания издевательств над Марией Джузеппой: «Бить я ее почти не бил, по большей части просто подталкивал концом палки...» (134).

Иронические высказывания разбросаны по всему рассказу⁵. Можно усмотреть иронию в самоуничижительном описании собственной внешности главного героя («красный мясистый нос и весь мой, по общему мнению, идиотский вид» (131)) или его характера, в котором он, исходя из распространенного мнения о том, что собаки похожи на своих хозяев, сравнивает себя с псом («К примеру, у моего пса никогда не было того самоуверенного вида, каким отличаются собаки всеми уважаемых людей» (132)). В «Записках» подобные описания тоже есть, однако здесь они, наоборот, они трагически серьезны: «Я, например, ненавидел свое лицо, находил, что оно гнусно <...> Но что всего ужаснее, я находил его положительно глупым» (124); «Всякий порядочный человек нашего времени есть и должен быть трус и раб. Это нормальное его состояние. В этом я убежден глубоко» (125).

Кроме того, оба текста содержат эксплицитные высказывания героев о своем отношении к шуткам. В то время как Подпольный человек уверяет читателя в серьезности своих слов, Джакомо, наоборот, шутит, хотя и делает это довольно неуклюже.

Записки из подполья

Наверно, вы думаете, господа, что я вас смешить хочу? Ошиблись и в этом. Я вовсе не такой развеселый человек, как вам кажется или как вам, может быть, кажется (101).

Мария Джузеппа

Дайте мне, господа, маленький стакан воды, совсем-совсем маленький. Ну чего вы на меня смотрите, а? Я ведь могу вам и в лицо брызнуть водой. Ха-ха, шутка (143).

Maria Giuseppa

Signori, datemi un piccolo bicchiere d'acqua, piccolo piccolo. E voi, che Cristo guardate? Lo sapete che son capace di spruzzarvi l'acqua in faccia. Ah ah, scherzo, o che volete che faccia sul serio? (17).

⁵ Ср., например, финал рассказа: «Итак — надо уж закончить, — я живу в доме один, теперь действительно один. Правда, приходит тут женщина, быстренько, за полчаса, приберется — и спешит улизнуть, гадина, непонятно почему» (143).

Отдельного внимания заслуживает фигура повествователя. Рассказ Ландольфи ведется от первого лица, имитируя разговор с читателями, — достаточно типичный для его поэтики прием [Сабурова 2014: 158]. В этом он не отличается от «Записок». Однако необходимо учитывать, что рамки повествования у Ландольфи часто не ограничиваются пределами законченного рассказа.

Ландольфи принадлежит к числу мастеров автобиографической прозы XX в., что особенно заметно проявляется в его поздних «романах-дневниках», а в ранних рассказах часто имеет характер мистификации [Там же: 156]. В частности, у рассматриваемого нами текста существует продолжение-объяснение, написанное через 25 лет после его публикации. Ландольфи вновь обращается к этой теме в рассказе под названием «Подлинная история Марии Джузеппы»⁶. Этот рассказ начинается с краткого перечисления событий ранее опубликованной «истории», причем подчеркивается ее автобиографический характер:

Подлинная история Марии Джузеппы

Эти двое (Мария Джузеппа и Джакомо. — *Е. Л.*) живут в провинциальном городке, в большом старом доме (дом, как и тип героя, в *котором каждый имеет право узнавать автора*, — постоянная и неизбежная примета сочинений последнего) (373).

La vera storia di Maria Giuseppa

I due vivono soli in una vecchia e grande casa di provincia (anche questa, come il tipo del protagonista, in cui ciascuno è libero di ravvisare l'autore, inevitabile e costante negli scritti di costui) (567).

После пересказа старой версии истории о Марии Джузеппе с «абсурдным и неожиданным исходом» следует ее «правдивая» версия, в которой более подробно перечисляются обстоятельства жизни и смерти этой героини, а также говорится о том, что она действительно была изнасилована, однако не автором рассказа, а марокканскими солдатами во время их нападения на деревню.

Сравнивать два этих рассказа можно с разных точек зрения. Так, Лев Аннинский, автор предисловия к русскому изданию рассказов Ландольфи, ищет психологические причины того, почему автор-повествователь берет вину за совершенное преступление на себя: «...не в силах вынести происшедшее, молоденький рассказчик не просто скрывает факт насилия, он ставит на место насильников — себя, он наивно маскируется под дурачка и подлеца, бесцельно издевающегося над собственной нянькой, только бы вытеснить из реальности деспотическую силу, ломающую в человеке достоинство» [Ландольфи 1999: 16].

Но более оправданным применительно к этим текстам кажется подход, предполагающий, что исповедальный тон обеих версий «автобиографического» рассказа следует воспринимать как своеобразную авторскую игру. К такому выводу приходит бразильская исследовательница Анамария В. Магалаиш [Magalhães n. d.], сравнивающая «самоанализ» в этих двух рассказах с «трактатом психиатра», который является частью позднего романа Ландольфи «LA VIÈRE DU PESCHEUR» (1953).

В поддержку этого тезиса можно привести пример еще одного текста, вошедшего в первый сборник рассказов Ландольфи — «Солнечная неделя»

⁶ Впервые вышел в сборнике «Ombre» («Тени») в 1954 г., русский перевод далее дан по [Ландольфи 1999: 373–378].

[Ландольфи 1999: 161–168]. Этот рассказ также написан от первого лица, его главный герой живет в заброшенном доме, и в центре повествования оказываются его запутанные отношения с двумя женскими персонажами. Первый из них — десятилетняя служанка, к которой он испытывает сексуальное влечение и за которой периодически подглядывает. Вторая — то ли реальная, то ли воображаемая красавица Гелла, которая разгуливает обнаженной по его дому, совсем как спутница Воланда в романе «Мастер и Маргарита»⁷.

Название этого рассказа содержит подзаголовок «...или “Мария Джузеппа П”» [Там же: 161]. Сама Мария Джузеппа в тексте не появляется, ее место занимают другие женские персонажи, с которыми повествователь связывают странные отношения в похожих декорациях. Возможно, именно это следует считать ключом к расшифровке обоих рассказов Ландольфи о Марии Джузеппе: не важна сама Мария Джузеппа, важен лишь миф о ней, причудливым образом вписанный в псевдобиографию автора-повествователя, потому что написать настоящую автобиографию невозможно. В свою очередь, эту «невозможность», весьма характерную для поэтики итальянского писателя, можно считать еще одним признаком влияния на его творчество Достоевского, писавшего в «Записках из подполья» о том, что нельзя «совершенно быть откровенным» даже с самим собой.

Подводя итоги, можно предположить, что из всего творчества Достоевского «Записки из подполья» оказываются наиболее близки Ландольфи, поскольку в них содержится множество мотивов, к которым он неоднократно обращается в собственном творчестве. Основным приемом при создании парафраза этого текста в рассказе «Мария Джузеппа» оказывается ироническая гиперболизация.

Источники

- Достоевский 1973 — *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Т. 5: Повести и рассказы. 1862–1866; Игрок: Роман. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1973.
- Ландольфи 1987 — *Ландольфи Т.* Солнечный удар: Рассказы / Пер. с итал. Г. П. Киселева, Е. М. Солоновича. М.: Известия, 1987.
- Ландольфи 1999 — *Ландольфи Т.* Жена Гоголя и другие истории: Избр. / Пер. с итал. Г. Киселева и др. М.: Аграф, 1999.
- Ландольфи 2005 — *Ландольфи Т.* Осенняя история / Пер. с итал. Г. П. Киселева. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2005.

⁶ Этот рассказ Ландольфи написан значительно раньше публикации романа Булгакова, поэтому, возможно, совпадение имен и поведения этого женского персонажа в двух текстах является лишь удивительным совпадением, подмеченным русской переводчицей рассказа. В оригинальном тексте имя этой героини — *Ella*. С одной стороны, это является свидетельством ее таинственности, поскольку переводится с итальянского как «Она». Иными словами, фактически у нее отсутствует настоящее имя. С другой стороны, оно указывает на ее связь с Гелиосом, которая неоднократно проводится в тексте рассказа. В то же время не раз подмечалось сходство поэтики Ландольфи и Булгакова [Киселев 2003], а персонажи рассказа не могут не вызывать ассоциаций со свитой Воланда, поскольку кроме самой Геллы в нем присутствует еще целый ряд таинственных демонических личностей, которые хихикают, вопят, показывают фокусы, играют в карты с главным героем и клянутся Антихристом. Поэтому, возможно, следовало бы поискать общий источник этих героинь.

- Ландольфи 2013 — *Ландольфи Т.* Пиво рыбака, или Гроб грешника / Пер. с итал. Л. Сабуровой. М.: Река времен, 2013.
- Dostoevskij 1962 — *Dostoevskij F. M.* Ricordi dal sottosuolo / Trad. di T. Landolfi. Milano: CdE, 1962.
- Dostoevskij 1964a — *Dostoevskij F. M.* Il giocatore e ricordi dal sottosuolo / Trad. di A. Polledro e T. Landolfi. Milano: Bompiani, 1964.
- Dostoevskij 1964b — *Dostoevskij F. M.* Ricordi dal sottosuolo / Trad. di T. Landolfi. Firenze: Vallecchi Editore, 1964.
- Dostoevskij 1971 — *Dostoevskij F. M.* Ricordi dal sottosuolo / Trad. di T. Landolfi. Milano: Longanesi, 1971.
- Dostoevskij 1975 — *Dostoevskij F. M.* Ricordi dal sottosuolo / Trad. di T. Landolfi. Milano: Rizzoli, 1975.
- Dostoevskij 1984 — *Dostoevskij F. M.* Ricordi dal sottosuolo / Trad. di T. Landolfi. Milano: Rizzoli, 1984.
- Dostoevskij 1990 — *Dostoevskij F. M.* Ricordi dal sottosuolo / Trad. di T. Landolfi. Milano: Rizzoli, 1990.
- Dostoevskij 1992 — *Dostoevskij F. M.* Ricordi dal sottosuolo / Trad. di T. Landolfi. Milano: SE, 1992.
- Dostoevskij 1995 — *Dostoevskij F. M.* Ricordi dal sottosuolo / Trad. di T. Landolfi. Milano: Adelphi, 1995.
- Dostoevskij 1997 — *Dostoevskij F. M.* Ricordi dal sottosuolo / Trad. di T. Landolfi. Milano: Nuages, 1997.
- Dostoevskij 2007 — *Dostoevskij F. M.* Ricordi dal sottosuolo / Trad. di T. Landolfi. Milano: Adelphi, 2007.
- Landolfi 1937 — *Landolfi T.* Dialogo dei massimi sistemi. Firenze: Parenti, 1937.
- Landolfi 1948 — Narratori russi: Raccolta di romanzi e racconti dalle origini ai nostri giorni, con introduzione, traduzioni e note di Tommaso Landolfi. Milano: Bompiani, 1948.
- Landolfi 1961 — *Landolfi T.* Racconti. Firenze: Vallecchi ed., 1961.
- Landolfi 2001 — *Landolfi T.* Le più belle pagine scelte da Italo Calvino. Milano: Adelphi, 2001.
- Landolfi 2002 — *Landolfi T.* Gogol a Roma. Milano: Adelphi, 2002.
- Landolfi 2015 — *Landolfi T.* I Russi. 2^a ed. Milano: Adelphi, 2015.

Литература

- Володина 1978 — *Володина И. П.* Достоевский и итальянская литература XIX — начала XX в. // Достоевский в зарубежных литературах / Отв. ред. Б. Г. Реизов. Л.: Наука; Ленингр. отд-е, 1978. С. 5–36.
- Гуарниери-Ортолани 1981 — *Гуарниери-Ортолани А.* Достоевский и Ландольфи // *Dostoevsky Studies*. 1981. Vol. 2. P. 163–168.
- Капилупи 2019 — *Капилупи С. М.* Провидение и катастрофа в европейском романе: Мандзони и Достоевский. СПб.: Алетейя, 2019.
- Киселев 2003 — *Киселев Г. П.* Ландольфи. Слово // Иностранная литература. 2003. № 7. Цит. по электрон. версии. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2003/7/kisel.html>.
- Кобленкова 2007 — *Кобленкова Д. В.* Гоголь в контексте «постмодернистских практик» («Жена Гоголя» Т. Ландольфи, «Голова Гоголя» А. Королева, «Дело о мертвых душах» Ю. Арабова — П. Лунгина) // Н. В. Гоголь и современная культура: Материалы докладов и сообщений Междунар. науч. конф., Москва, 31 марта — 3 апреля 2006 года: Шестые Гоголевские чтения / Под общ. ред. В. П. Викуловой. М.: Книж. Дом Университет, 2007. С. 258–270.
- Сабурова 2014 — *Сабурова Л. Е.* Опыт сравнительного анализа автобиографической и художественной прозы Томмазо Ландольфи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 2. С. 155–162.

- Сабурова 2018 — Сабурова Л. Е. Дневники Томмазо Ландольфи в контексте автобиографической прозы итальянских писателей середины XX века: Дис. ... канд. филол. наук / Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. М., 2018.
- Самарина 2017 — Самарина М. С. «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского и Италия рубежа XIX–XX столетий // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 18. Вып. 4. 2017. С. 340–346.
- Cecchini 2012 — Cecchini L. Autobiografismo e autoriflessività in Tommaso Landolfi // Testo: studi di teoria e storia della letteratura e della critica. Vol. 63. No. 1. 2012. P. 67–78.
- De Michelis 1972 — De Michelis E. Dostoevskij nella letteratura italiana // Lettere Italiane. Vol. 24. No. 2. 1972. P. 177–201.
- Galmarini 2015 — Galmarini N. Teoria e prassi in Landolfi traduttore dal russo // Centro Studi Tommaso Landolfi. 2015. 28 Dicembre. URL: <http://www.tommasolandolfi.net/teoria-e-prassi-in-landolfi-traduttore-dal-russo>.
- Magalhães n. d. — Magalhães A. V. Tommaso Landolfi: Un viaggio dal fantastico alla coscienza. URL: <http://www.cristinacampo.it/public/tommaso%20landolfi.pdf>.
- Mesárová 2018 — Mesárová E. Scrittore-traduttore e cultura letteraria europea // PALIMPSEST: International Journal for Linguistic, Literary and Cultural Research. Vol. 3. No. 6. 2018. P. 161–170.
- Pala 2009 — Pala V. Tommaso Landolfi traduttore di Gogol'. Roma: Bulzoni, 2009.
- Pera 1988 — Pera P. Tommaso Landolfi nello specchio russo // Landolfi libro per libro: Atti del convegno, Pico e Frosinone, 17–18–19 dicembre 1987 / A cura di T. Tarquini. Alatri: Hetea, 1988. P. 33–46.
- Pich 2010 — Pich F. La trama del caso. “Maria Giuseppa” di Tommaso Landolfi (1930) // Moderna. Vol. 12. No. 2. 2010. P. 89–95.
- Sanna 2016 — Sanna I. Traduzione e significato nel Dialogo dei massimi sistemi di Tommaso Landolfi // Medea. Vol. 2. No. 1. 2016. URL: <http://ojs.unica.it/index.php/medea/article/view/2417/2024>.
- Stasi 2008 — Stasi B. La lingua impossibile: il problema estetico “spaventosamente originale” del *Dialogo dei massimi sistemi* // Chroniques Italiennes. Vol. 81–82. No. 2–3. 2008. P. 139–159.

References

- Cecchini, L. (2012). Autobiografismo e autoriflessività in Tommaso Landolfi. *Testo: studi di teoria e storia della letteratura e della critica*, 63(1), 67–78. (In Italian).
- De Michelis, E. (1972). Dostoevskij nella letteratura italiana. *Lettere Italiane*, 24(2), 177–201. (In Italian).
- Galmarini, N. (2015, December 28). Teoria e prassi in Landolfi traduttore dal russo. *Centro Studi Tommaso Landolfi*. Retrieved from <http://www.tommasolandolfi.net/teoria-e-prassi-in-landolfi-traduttore-dal-russo>. (In Italian).
- Guarnieri-Ortolani, A. (1981). Dostoevskii i Landol'fi [Dostoevsky and Landolfi]. In *Dostoevsky Studies*, 2, 163–168. (In Russian).
- Kapilupi, S. M. [= Capilupi, S. M.] (2019). *Providenie i katastrofa v evropeiskom romane: Mandzoni i Dostoevskii* [Providence and disaster in the European novel: Manzoni and Dostoevsky]. St. Petersburg: Aleteiia. (In Russian).
- Kiselev, G. P. (2003). Landol'fi. Slovo [Landolfi. The word]. *Inostrannaia literatura* [Foreign Literature] 2003(7). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/inostran/2003/7/kisel.html>. (In Russian).
- Koblenkova, D. V. (2007). Gogol' v kontekste “postmodernistskikh praktik” (“Zhena Gogolia” T. Landol'fi, “Golova Gogolia” A. Koroleva, “Delo o mertvykh dushakh” Iu. Arabova — P. Lungina) [Gogol in the context of “postmodernist practices” (“Gogol’s Wife” by T. Landolfi, “Gogol’s Head” by A. Korolev, “Dead Spirits’ Case” by Yu. Arabov and P. Lungin)]. In V. P. Vikulova (Ed.). *N. V. Gogol' i sovremennaia kul'tura: Materialy dokladov i soobsh-*

- chenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 31 marta — 3 aprelia 2006 goda: Shestye Gogolevskie chteniia* [N. V. Gogol and contemporary culture: Proceedings of an International Conference, Moscow, March 31 — April 3, 2006: The 6th Gogol Readings], 258–270. Moscow: Knizhnyi Dom Universitet. (In Russian).
- Magalhães, A. V. (n. d.). *Tommaso Landolfi: Un viaggio dal fantastico alla coscienza*. Retrieved from <http://www.cristinacampo.it/public/tommaso%20landolfi.pdf>. (In Italian).
- Mesároová, E. (2018). Scrittore-traduttore e cultura letteraria europea. *PALIMPSEST: International Journal for Linguistic, Literary and Cultural Research*, 3(6), 161–170. (In Italian).
- Pala, V. (2009). *Tommaso Landolfi traduttore di Gogol'*. Roma: Bulzoni. (In Italian).
- Pera, P. (1988). Tommaso Landolfi nello specchio russo. In T. Tarquini (Ed.). *Landolfi libro per libro: Atti del convegno, Pico e Frosinone, 17–18–19 dicembre 1987*, 33–46. Alatri: Hetea. (In Italian).
- Pich, F. (2010). La trama del caso. “Maria Giuseppa” di Tommaso Landolfi (1930). *Moderna*, 12(2), 89–95. (In Italian).
- Saburova, L. E. (2014). Opyt sravnitel'nogo analiza avtobiograficheskoi i khudozhestvennoi prozy Tommazo Landol'fi [Comparative analysis of the autobiographical prose and fiction of Tommaso Landolfi]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Herald of Irkutsk State Linguistic University], 2014(2), 155–162. (In Russian).
- Saburova, L. E. (2018). *Dnevniki Tommazo Landol'fi v kontekste avtobiograficheskoi prozy ital'ianskikh pisatelei serediny XX veka* [The diaries of Tommaso Landolfi in the context of Italian autobiographical prose of mid-20th century] (Cand. Sci. (Philology) Thesis, Gorky Institute of World Literature). Moscow. (In Russian).
- Samarina, M. S. (2017). “Prestuplenie i nakazanie” F. M. Dostoevskogo i Italiia rubezha XIX–XX stoletii [*Crime and Punishment* by F. M. Dostoevsky and Italy at the turn of 19th — 20th centuries]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Review of the Christian Academy for the Humanities], 18(4), 340–346. (In Russian).
- Sanna, I. (2016). Traduzione e significato nel Dialogo dei massimi sistemi di Tommaso Landolfi. *Medea*, 2(1). Retrieved from <http://ojs.unica.it/index.php/medea/article/view/2417/2024>. (In Italian).
- Stasi, B. (2008). La lingua impossibile: il problema estetico «spaventosamente originale» del *Dialogo dei massimi sistemi*. *Chroniques Italiennes*, 81–82(2–3), 139–159. (In Italian).
- Volodina, I. P. (1978). Dostoevskii i ital'ianskaia literatura XIX — nachala XX v. [Dostoevsky and Italian literature of the 19th — beginning of the 20th century]. In B. G. Reizov (Ed.). *Dostoevskii v zarubezhnykh literaturakh* [Dostoevsky in foreign literatures], 5–36. Leningrad: Nauka; Leningradskoe otdelenie. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Евгения Александровна Литвин
старший преподаватель,
кафедра всеобщей истории,
Школа актуальных гуманитарных
исследований, Институт общественных
наук, Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82, стр. 1
Тел.: +7 (495) 937-95-27
✉ evgenya.litvin@gmail.com

Information about the author

Evgeniya A. Litvin
Lecturer, General History Department,
School for Advanced Studies in the
Humanities,
Institute of Public Policy,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Verнадского, 82, Bld. 1
Tel.: +7 (495) 937-95-27
✉ evgenya.litvin@gmail.com